

**В вихре
времени**

Юрий Корчевский

**Защитник
Отечества**



Проходящий сквозь время

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2014

УДК 94
ББК 63.3(0)
К 70

Оформление серии *П. Волкова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *П. Ильина*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К 70 Защитник Отечества. Проходящий сквозь
время / Юрий Корчевский. — Москва : Яуза :
Эксмо, 2014. — 352 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-699-76680-2

Что делать нашему современнику, заброшенному в жестокую эпоху Ивана Грозного? Чем жить, как заработать на хлеб? Спаивать народ, соорудив первый на Руси самогонный аппарат? «Крышевать» купцов, охраняя от разбойников торговые караваны? Защищать от татарских набегов пограничные города? Заслужить царскую милость, разоблачив предателя Курбского?

Вот только правду говорят: чем ближе к трону, тем ближе к смерти. Вместо награды «попаданцу» грозит дыба, по его следу идут беспощадные опричники – и вся надежда теперь на его уникальный дар и верную саблю...

**УДК 94
ББК 63.3(0)**

ISBN 978-5-699-76680-2

© Корчевский Ю.Г., 2014
© ООО «Издательство «Яуза», 2014
© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ГЛАВА I

Смена закончилась неожиданно быстро. Полдня занимался перевязками, затем оформлял истории болезни. Как говорит наш заведующий отделением: документы пишутся не для меня, а для прокурора.

Я созвонился с Юлей, моей подружкой, переоделся и вышел из больницы через запасной выход. Свой мотоцикл, любимый «Харлей-Девидсон», я всегда ставил там. Собственно, после развода у меня только и осталось, что телевизор да этот мотоцикл. Квартиру мы разменяли; мне досталась однокомнатная в Люблино, а Инне — двушка на Воронцовском поле, почти центр. Да и мебель переехала туда же. Какое-то время мне даже пришлось спать на матрасе на полу, но я не горевал: баба с возу — кобыле легче. Моя бывшая нашла себе мужчину побогаче; она давно пилила меня — зарабатываю мало, дежурства, опять же, ночные, ни в клубе оторваться, ни в гости сходить. Выбрала теперь себе богатенького, правда женатого, но ее это, похоже, не напрягает. Господь с ней, флаг в руки. Была в жизни такая ошибка — этот скоропалительный брак, ведь отговаривал отец, пока был жив, он людей хорошо чувствовал. Ладно, хорошо хоть детей не успели завести. А сейчас я собирался

к Юле. Сегодня пятница, мы давно с приятелями собирались встретиться на выходных, посидеть на даче — попить пивка и пожарить шашлыки. Надо было ловить последние погожие деньки; солнце еще светило вовсю, но по утрам было прохладновато и летала паутинка — признак бабьего лета.

До «Автозаводской» доехал быстро, мотоцикл — не машина, стоять в пробках не приходится.

Юля уже стояла на месте, приплясывая от нетерпения. Я даже залюбовался — джинсы плотно обтягивали аппетитную попку. На спине болтался небольшой рюкзачок, ветер слегка раздувал длинные черные волосы. Люблю брюнеток, хотя почему-то считается, что большинство мужчин без ума от блондинок. Не зря же на улицах столько крашенных блондинок. Но и я, и мои друзья к блондинкам были равнодушны.

Познакомился я с Юлей случайно — она приехала навестить в больнице бабушку, и мы застряли в лифте; хоть и недолго длилось наше заключение, но познакомиться и обменяться номерами телефонов успели. Вот уже третий месяц, как мы встречаемся, и месяц, как спим вместе. Переезжать ко мне она не собирается, так же как и я к ней. Девушка тоже успела сходить замуж, и это добавило ей осторожности.

Мы поцеловались; Юля уже привычно уселась сзади, обняв меня руками, не от бурных чувств, а хотя бы для того, чтобы удержаться. Мотоцикл может и сбросить. С безопасностью у мотоциклов, конечно, хуже, чем у любой, даже самой завалящей, машины, зато в машине нет такого чувства скорости, единения с природой, когда ветер бьет в лицо

и сечет щеки песчинками, а воздух пахнет травой. В мотоциклы я был влюблен с детства.

Со временем, уже работая, я купил машину, но не было в ней адреналина; комфорт был — тепло, уютно, а вот азарта, упоения не было. Теперь вот сбылась давнишняя мечта — «Харлей». Долго копил, все-таки двадцать тысяч американских рублей, сумма для доктора изрядная. Ну а к «Харлею» пришлось покупать кожаную косуху, бандану и все, что полагается, чтобы соответствовать. Все-таки «Харлей» — это легенда, не «Сузуки» какая-нибудь.

Приглушенно тарахтя низкооборотным мотором и проходя сквозь пятничные пробки на Садовом, как нож сквозь масло, мы вырвались за город. Москва с ее отравленным воздухом осталась позади. Вот и Истра; еще немного — и мы подкатились к даче моего друга и коллеги Женьки Абрикосова. Для кого-то он — уважаемый заведующий отделением, а для меня так и остался закадычным дружкой Женькой. Сколько мы с ним во время учебы в первом МОЛМИ вина попили в подъездах, тиская девчонок! А сколько лекций пропустили, правда, к медицине отношения не имеющих — научный атеизм, диалектический материализм и тому подобное. Слава богу, КПСС — уже не направляющая сила, и товарищу Сталину спасибо за счастливое детство говорить не надо.

Дачка была небольшой и старой, доставшейся Женьке от деда, заслуженного деятеля от оборонки. После смерти академика Женьке причитался целый чемодан наград, грамот и вот эта дачка.

Место неплохое: старые деревья вокруг, тень, прохлада, водохранилище рядом. Участок неболь-

шой — шесть соток, и домишко на участке маленький, однако небольшую компанию приютить на ночь может запросто.

Мы с Женькой по-дружески обнялись, с Юлей они скромно пожали друг другу руки. В дальнем углу двора уже жарко горели дрова в мангале. Багажник Женькиного авто был открыт, там виднелась кастрюля с мясом и лежала связка шампуров. Из домика выпорхнула Люся, жена друга. Они поженились еще в институте и, к моему удивлению и зависти, жили дружно и весело. Детей пока не занимали, но, как сказал Женька, они активно работают над этим вопросом.

Поскольку дрова уже прогорали, мы принялись нанизывать мясо на шампуры и жарить. Шашлык должен делать мужчина, мясо не любит женских рук.

Тем временем дамы резали лучок и готовили закуски. По участку начал распространяться дразнящий аромат шашлыков. Мы поснимали готовое мясо и, обжигая руки, помчались к столу. Снизав мясо с шампуров в большое блюдо, уселись. Женька спохватился и умчался в домик, вернувшись с парой запотевших бутылок вина. Шашлык, правильно замоченный и пожаренный, — лучшее мясное блюдо. Откусываешь сочный кусок, и язык от жара начинает трещать, запиваешь холодным вином и кидаешь в рот колечки лука, замоченного в уксусе. Красота! А запах!

Утолив голод несколькими кусками и опустошив первую бутылку вина, мы начали неспешный разговор. Как водится у финских лесорубов: в лесу — о бабах, с бабами — о лесе. Конечно же, мы с Жень-

кой говорили о медицине, о злом и некомпетентном Зурабове; да много еще о чем могут говорить увлеченные профессионалы. Дамы слегка заскучили и направились в домик. Мы же за разговором уминали шашлыки, запивая винцом. Хорошо сидели, одним словом.

Незаметно опустился вечер; посвежело, на небе зажглись крупные звезды.

Пятница, вечер, предвкушение двух дней отдыха, приятная компания — что еще человеку для счастья надо? И я наслаждался. Неизвестно, позвонят по мобильнику мне или Женьке, что привезли тяжелого больного, и придется бросать все: женщин, шашлыки, свежий воздух — и стремглав лететь в душную Москву. Дамы наши решили проявить инициативу — вышли из домика в купальниках и с полотенцами в руках.

— У нас есть предложение сходить искупаться.

Да кто был бы против?

Мы сбросили брюки и футболки и дружной компанией отправились к находящемуся рядом водохранилищу. К вечеру вода нагрелась и была как парное молоко, на мой взгляд, даже теплее воздуха. Вдоволь накупались, пошалили, подныривая к девушкам; перебрасываясь шутками, вернулись на дачу. Тут нас ждал маленький сюрприз. На стуле стоял какой-то лохматый незнакомый пес и с аппетитом доедал наши шашлыки. Завидев нас, он смылся в кусты. Ни одного куска мяса на столе уже не было.

Судьба! Переодевшись в сухое, мы включили музыку, немного потанцевали под «Роксет» — любимую группу Женьки и Люси, и отправились в свою

комнату. Собственно, выбора не было: домик был маленький и комнат — всего две. В комнате стояла духота, не помогали открытое окно и дверь, да еще и комаров налетело — тьма.

Мы с Юлькой быстро разделись и юркнули в постель, накрывшись простыней. Скоро нам стало не до комаров, нашлось занятие поинтересней.

Утром мы выползли из домика невыспавшиеся, с множественными волдырями от комариных укусов. Не комары, а прямо вампиры какие-то. Подхватив полотенце, я как был в плавках, так и помчался к водохранилищу. С разбега плюхнулся в воду и чуть не заорал от неожиданности — вода показалась обжигающе холодной, конечно, из теплой-то постельки. Поплавая и согрившись, обтерся полотенцем и трусцой побежал к даче. Все уже встали и бродили, как сонные мухи.

— Эй, лентяи! Быстро в воду! Берите пример с меня — и чист, и свеж.

— Юра, сегодня выходной, не грузи, дай отдохнуть.

Ну, отдохайте. Я вытащил из дома старинный, деда Женькиного, самовар, вышел за забор, набрал в ближайшем ельнике, буквально в пяти шагах от дачи, еловых шишек и растопил самовар.

Увлекательный это процесс. Сначала заливаешь воду, потом подбрасываешь шишки, затем поджигаешь лучины из сухого дерева. Когда из трубы начинает валить сизый дым, надеваешь на трубу сапог и, как мехом, начинаешь качать сапогом. Пламя разгорается, и вскоре вода в самоваре начинает шуметь. Специально для самовара Женька хранил в подсобке старые сапоги. А чай какой из самовара!

С легким привкусом дымка, с хорошей заварочкой, в которую добавлены для вкуса смородиновые листья. Это как сравнивать общепитовские котлеты и хороший шашлык.

Пока я с упоением занимался самоваром, девушки накрыли немудрящий стол. Сели, почаяевичали не спеша, звучно прихлебывая из блюдец. Нет, в Москве так чай не попьешь; там все быстро, на ходу, часто из пакетиков. А чаепитие — это процесс, конечно, не японская чайная церемония, но и славяне умели это делать не хуже, вспомните хотя бы «Чаепитие в Мытищах». С бараночками, сахаром-рафинадом и щипчиками, пыхтящим самоваром и непременно блюдами, на худой конец — со стаканами в подстаканниках. Нет, теперь такое только, может, в дальних деревнях сохранилось или вот иногда кто-то на даче побалуется, как мы. Все в спешке — успеть, не опоздать, ритм просто бешеный.

И только я отмяк душой за самоваром, как раздался звонок мобильного:

— Юра, там у тебя пациент из восьмой палаты подкрадывает после операции, ты бы подъехал, посмотрел.

— Ладно, буду.

Вся компания выжидающе на меня уставилась.

— Я отъеду ненадолго, посмотрю, что там, да и назад сразу, расслабляйтесь пока без меня. Сегодня только утро субботы.

Я оделся, оседлал «Харлей» и выехал со двора.

Под колеса мягко стелилась укатанная грунтовка дачного поселка, потом я выехал на узкую асфальтовую дорогу, выющуюся вдоль реки. Добавил газку,

дорога была знакомая. Еще пару поворотов — и я уже буду на трассе. Положил мотоцикл на бок, вписываясь в левый поворот, и — о черт! На повороте лежал тонкий слой рассыпанного песка, видимо, на дачу кто-то вез для строительства. Мотоцикл перестал слушаться, заскользил боком. Я оттолкнулся от «Харлея» и сгруппировался. Боковым зрением я увидел, что меня несет на дерево. «Как хорошо, что я ехал один», — мелькнуло в голове, затем удар и тошнота.

...Очнулся я, по моим ощущениям, нескоро. Выезжал я утром, часов в десять, а сейчас вон уже и солнце садится. Неужели никто не видел моего падения, не вызвал «Скорую»?

Я взглянул на часы — можно выкинуть: циферблат расплющило, стрелок нет. А хорошие были часы — «Омега», не подводили. Где же мотоцикл? Слегка покачиваясь, голова все-таки болела от удара, и немного подташнивало, я обошел придорожные кусты. Мотоцикла нигде не было. Неужели угнали, пока я был в отключке? Конечно, ключи в замке зажигания, а «Харлей» — лакомый кусок для любого угонщика. Мало того, что сотрясение заработал, так еще и мотоцикла лишился. Здорово отдохнул, нечего сказать. Я огляделся — где-то должна быть наплечная кожаная сумка, там мои права, ключи от квартиры, сотовый телефон. Но и сумки я не нашел тоже, хотя на четвереньках облазил все кусты и придорожную канаву. Что за чертовщина?

Поднявшись с колен, я отряхнул брюки и огляделся. Местность та же — вон поворот реки, холмик, но в то же время и не та. Чего-то здесь не хватает. Точно, домиков не хватает, столбов с про-

водами не хватает, дерева — березы, о которую я ударился, не было тоже. Неужели я так сильно приложился головой, что что-то забыл? Я остановился и напряженно попытался вспомнить, куда я ехал и зачем. По крайней мере то, что я Юрий Котлов, не вызывало у меня сомнений. Вроде мне звонили с работы, да, точно, звонили с работы: были проблемы с послеоперационным больным, и я рванул в Москву.

Надо возвращаться на дачу к Женьке; у него — машина, сотовый телефон, можно с Москвой связаться; кроме работы, мне надо было и милицию вызвать, пусть выезжают на место аварии — мотоцикл угнали, сумку украли. По крайней мере, для страхового общества надо получить справку о зарегистрированном происшествии.

Придя к решению вернуться, я направился обратно. Странно, когда я ехал в Москву, по левой стороне виднелись заборы и крыши дачных домиков, а сейчас ничего, кроме каких-то зарослей, нет. Не могли же дачи в одночасье исчезнуть? И голосов людских не слышно. Что-то здесь не так. Может, после аварии я в шоке ушел на другую дорогу? Потому и мотоцикла с сумкой не нашел, и березы злополучной нет, и домиков не видно. Да, наверное так.

Успокоив себя и внутренне разъяснив некоторую несуразицу, я зашагал бодрее. По моим прикидкам, я прошел уже километра два-три, и пора бы уже объявиться Женькиной даче.

Впереди блеснула водная гладь. Я приободрился. Даже если немного заплутал, по реке сразу определюсь, ведь дача была недалеко от воды.

Вышел на берег, в нетерпении стал озираться. Какие-то незнакомые места. Вдалеке, выше по течению, стоял рыбак с удочкой — как же, вечерний клев. Я направился к нему, теща себя надеждой, что сейчас узнаю, где я и куда идти дальше. Подойдя, мысленно удивился одежде рыбака — уж больно затрапезная, если не сказать хуже. Ладно, мне с ним в друзьях не ходить. Я поздоровался, рыбак стянул нечто бесформенное с головы и поклонился:

— Здравствуй, барин!

Странное приветствие, однако.

— Не скажешь ли, мил-человек, где тут селение какое, приплутал я малость.

— А чего ж не сказать? Вон туды, по дороге, Яхрома будет; недалече, версты четыре всего.

— Москва далеко?

— Это уж дальче, верст пятьдесят будет, вон туды, — он махнул рукой.

— Где станция железной дороги, поближе чтоб?

— Чаво? Не понял я, барин.

Тупой какой-то, что ли? Простой вопрос не понял. Я решил идти вдоль берега, мне казалось, что так я наверняка быстрее выйду к какому-нибудь селению, а там или такси найму, или позвонить смогу. Уже уходя, неожиданно для себя спросил:

— День сегодня какой?

— Так пятница, как есть осьмнадцатое сентября одна тысяча пятьсот сорок седьмого года от Рождества Христова.

Сбрэндил мужик, как есть сбрэндил. Наверное, водку паленую пьет, вот белая горячка и приключилась. Чего с ним время тратить?

Я направился вдоль берега. Воздух был свежий, голова постепенно перестала болеть, шлось легко, только что-то уж есть хотелось. Конечно, чай пили утром, а сейчас — вечер. Селений никаких не видно, хоть бы уж деревня какая попалась. Судя по солнцу, через час-полтора стемнеет, а у меня и крыши над головой нет.

Кожаная куртка — косуха — лишь от ветра защита, тепла от нее никакого, а я житель сугубо городской; если и выезжал на природу, то на день-два с палаткой или как к Женьке — на дачу. Надо искать ночлег.

Темнело, я начал спотыкаться о корни деревьев, кочки. Слева, недалеко от берега, показалась копна сена. Недолго думая, я свернул туда, взобрался наверх и блаженно развалился. Побаливала в затылке голова, натруженные ноги гудели с непривычки. Километров десять я сегодня точно отмахал, сроду столько пешком не проходил, все на мотоцикле да на метро. Ночное небо было почти черным, звезды ярко мерцали. В голову пришла мысль — почему нигде на горизонте не видно зарева от городских огней? Ладно, пусть Москва еще далеко, но в ближнем Подмосковье полно городков, от них-то зарево должно быть, не может везде выключиться электроэнергия. Завтра разберусь, а сейчас — спать.

Отрубился я быстро, слишком много впечатлений и событий за один день. Утренний сон был прерван самым бесцеремонным образом: меня за руку стащили с копенки сена. Рядом стояли два мужика с вилами и граблями, недалеко была и лошадь с повозкой. Ясно, за сеном приехали.

— Ты кто таков?